

Л. П. КАРСАВИН О ВОЗМОЖНЫХ СУДЬБАХ РОССИИ

Надежда Чупахина

Санкт-Петербургский государственный университет

Цитирование: Чупахина Н.А. Л. П. Карсавин о возможных судьбах России // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 1. С. 153–174.
DOI: <https://10.31119/phlog.2019.5.10>

For citation: Chupakhina, N.A. L. P. Karsavin o vozmozhnykh sud'bakh Rossii [L. P. Karsavin about the possible fates of Russia], in *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii* [Philosophical Polylogue: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy], 2019, No. 1, pp. 153–174. **DOI:** <https://10.31119/phlog.2019.5.10>

Исследуется наследие Карсавина с точки зрения его отношения к «русской идее», православию и судьбам России. Выясняется, что благодаря целостности и всеохватности теоретического видения Карсавин удивительно современен, и многие мысли, высказанные философом почти сто лет назад, оказываются актуальными для нашего времени, перекликаясь с размышлениями нынешних православных мыслителей, политологов и общественных деятелей. Автор статьи проводит аналогию между сегодняшней ситуацией в стране и мире с ситуацией, в которой мыслитель писал свои труды. Карсавин говорит не только о возможности, но и о нравственной необходимости осуществить лучшее будущее и полагает, что за осуществление его нужно бороться. В то же время, выясняется, что смысл исторического существования России не в европеизации, и русская идея значительно отличается от европейского идеала. Карсавин полагал, что только «решительный отказ от суррогатов всеединства, именуемых идеалом прогресса» может вывести Россию на правильный путь. В заключении делается вывод о том, что «русская идея» предстает нам как идеальное задание, проистекающее из нашей веры во всемогущество Божие и его благость к нам. Миссия России заключается в создании сильного государства, могущего сохранить традиционные семейные ценности, поддержать нравственность, оградить культуру и сделать достойной жизнь человека труда, защитить слабых, дать простор талантливым и желающим честно служить своему Отечеству.

Ключевые слова: русская идея, православие, Л. П. Карсавин, научно-технический прогресс, преобразование мира.

This essay is a short research of the heritage of the Russian thinker Leo Karsavin in terms of his attitude towards “the Russian idea”, the Orthodox Christianity and the destinies of Russia. It is stressed that due to the integrity of Karsavin’s theoretical view, his thoughts are remarkably up-to-date and close to the ideas of modern orthodox thinkers. Today’s situation in Russia and in the world is compared with the time when Karsavin wrote his works. Karsavin speaks not only about the possibility but also about the ethical necessity to realize the Russian idea. At the same time it has become obvious that the meaning of the Russia’s historical existence does not coincide with the common European view which includes technical progress as a panacea. On the whole, Karsavin’s view on the historical process in Russia can be thought of as positive. His belief in great future for Russia relies upon the prophetic utterances of F. M. Dostoyevsky and on his list of Christian qualities of the Russian people. Among them are meekness, mercifulness, the hanger and thirst for the truth. At the same time Karsavin pays attention to the negative qualities of the Russian people. The author considers the Soviet history as an incomplete and distorted realization of the Russian idea. As for Karsavin’s understanding of “the Russian idea”, it is similar to many Russian orthodox philosophers’ view on it as God’s intention for Russia. It is concluded that “the Russian idea” is the task for fulfillment. It includes the maintenance of a strong social state, protection of the traditional family values and the culture in whole, upholding high ethical standards, support of the talented people and so on.

Keywords: Russian idea, Orthodox Christianity, L. P. Karsavin, scientific and technical progress, transfiguration of the world.

Л. П. Карсавин известен как историк-медиевист, философ, историк культуры, но все его творческие устремления и яркие многообразные проявления личности объединяло христианское мировоззрение. И в творчестве, и в жизни он оставался христианином. Карсавин был православным человеком и православным мыслителем, поэтому востребованным остается взгляд на него как на православного философа, интерпретация его учения с точки зрения православия и тех задач, которые стоят перед православной церковью, как во времена Карсавина, так и ныне. С другими русскими православными философами его связывает любовь к Родине и боль за ее судьбу.

В самый разгар Великой Отечественной войны русский философ-эмигрант И.А. Ильин писал: «Мы верим в Россию потому, что созерцаем ее *в Боге...* И восстанет новая Россия. Мы верим в это не потому, что желаем этого, но потому, что знаем русскую душу, видим путь, пройденный нашим народом, и, говоря о России, мысленно обращаемся к *Божьему замыслу, положенному в основание русской истории, русского национального бытия*» [2, с. 10]. Испытания и потрясения, претерпеваемые народом, считает Ильин, ведут к тому, что он возвращается к своей «духовной субстанции», т. е. проявляет те добрые задатки, которые в нем есть, а все наносное, злое отпадает, отсеивается. Если принять во внимание учение Карсавина о симфонической личности, то получается, что народ, так же как и «отдельный» человек, имеет свое предназначение (то, что Бог судил для него). Хорошо человеку знать, что конкретно от него хочет Бог в соответствии с его талантами и призванием. В этом же самом смысле хорошо и народу знать свою судьбу.

А. В. Гулыга, перу которого принадлежит известная книга «Творцы русской идеи», писал в свое время: «Важнейшая проблема практической философии – судьба родины. Должна ли Россия идти дорогой западного прогресса или искать собственные пути?» [1, с. 11]. Как мы сегодня видим, противоречия современной России обнажились и перед ней снова остро встал все тот же вопрос, который всегда волновал особо чутких к судьбе родины людей. Нужно ли говорить о том, что «искать собственные пути» трудно? Но Россия – страна по преимуществу православная, а для по-настоящему православного человека главное помнить, что во всем, на что есть воля Божия, ему поможет Бог. Русская идея, согласно Гулыге, это и «предчувствие общей беды», и «мысль о всеобщем спасении». [1, с. 22]. Да, есть известная и для многих православных людей парадоксальная фраза о том, что мы или вместе спасаемся, или вместе гибнем. Парадоксальная в том смысле, что всегда православие делало акцент на личном (индивидуальном) спасении, возлагая ответственность за свое спасение на каждого «отдельного» человека. С другой стороны, спасаемся мы только в церкви. И недаром мысль Карсавина устремляется в пределе к тому, что весь мир должен воцерковиться, претвориться в церковь. Вспомним также известное изречение Н. В. Гоголя: «Наш

монастырь – Россия». Аналогичные мысли были и у Ф.М. Достоевского.

Итак, если принять во внимание соборный характер русской мысли в том, что касается русской идеи, а также известное всем изречение преподобного Серафима Саровского: «Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи», то получается, что общая направленность нашей деятельности как народа, как соборной личности может либо способствовать, либо препятствовать индивидуальному спасению каждого члена общества. В настоящее время наше общество разделено и у многих из нас есть «предчувствие общей беды». Можем ли мы надеяться на «всеобщее спасение»? Гулыга обращает внимание на то, что «русская эсхатология активна и оптимистична» [1, с. 22]. Это так. Однако мы вынуждены откорректировать мнение Гулыги о том, что последняя книга Нового Завета – лишь «предупреждение человечеству: катастрофа наступит, если люди не предотвратят ее, последнее в их силах» [1, с. 22]. С одной стороны, в этом высказывании, безусловно, раскрывается глубокая истина: Бог может, если люди будут действовать сообща и правильно, оттянуть конец этого мира. С другой, «Откровение» – это книга не только предупреждения, но и знания о том, что будет. Поэтому отменить Апокалипсис не может никто. Тем не менее, отсрочить конец с Божьей помощью и общими усилиями мы можем. На какое время – это зависит от наших общих усилий.

В данной статье мы сосредоточимся на попытке Карсавина понять характер русского народа и, в частности, те его черты, которые могут помешать – помимо внешних факторов – осуществить русскую идею. А осуществлять ее нам придется, это наша миссия в мире. Карсавин, выдающийся русский философ всеединства, в данной работе выступает более как практик, нежели теоретик. Это для нас в данном случае ценно. Здесь у него приоритет практики над теорией без всякого пренебрежения теорией. Целостная теория, философия всеединства, на заднем плане всегда присутствует. Более того, благодаря целостности и всеохватности теоретического видения, Карсавин удивительно современен [9, с. 8]. Многие идеи философа оказываются востребованными сегодня, особенно его концепция церкви, личности и государства. Можно сказать, что точно так же, как А. С. Хомяков, своим учением о том, что церковь одна, Карсавин совершил сегодня буквально переворот в нашем понимании этих ключевых понятий. Между тем, его идеи находятяся в русле исконного православного видения мира, это никакое не обновленчество.

Русская идея – идея христианская. Начиная с Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева, это понятно. О русской идее, отмечает Карсавин, писали много и противоречиво. Если сложить вместе мысли всех авторов, то не раствориться ли русская идея во множестве противоречивых высказываний? Но почему, пишет Карсавин, я должен верить всем авторам сразу? Или «почему должен предпочесть западничество

славянофильству?» [3, с. 2]. Во всяком случае, как указывает он в другом месте, «не в “европейских” тенденциях русской мысли, общечеловечности и государственности надо искать эту идею» [3, с. 77]. Невозможность согласовать разные анализы и прогнозы по поводу России доказывает только тот факт, что некоторые авторы могли выдавать свои субъективные мечты за русскую идею. Но как отделить одно от другого и, соответственно, как вычленив русскую идею из потока субъективности, ее окружающей? Что нам здесь может помочь, задается вопросом философ, мистика или здоровое чувство действительности? Карсавин считает, что мистика. А на взгляд человека первой четверти XXI в., и то и другое. Поскольку действительность сейчас сложнее, интереснее и... страшнее всяких вымыслов. Любая, даже самая фантастическая, идея сейчас наполняется вполне конкретным содержанием. Мир зреет к концу.

Основная идея Карсавина, касающаяся истории в целом, такова. В истории действуют некие коллективные «субъекты развития», народы, общества, государства. «Нас ближайшим образом интересует субъект русской культуры, в частности, русской государственности» [3, с. 8]. Философ пишет: «Субъект развития, не существующий в отдельности и особенности от процесса развития... проявляется во всех моментах своей эволюции. Он (есть) их *всевременное и всепространственное единство*, все они и каждый из них» [3, с. 4–5, курсив наш – Н. Ч.]. Причем всевременность и всепространственность Карсавин понимает не как абсолютную, а в рамках этого *именно* субъекта времени и пространства. Каждый субъект ограничен во времени и пространстве. То есть, скажем, Россия – это субъект развития, который надо понимать как единство всех ее, России, проявлений во времени и пространстве. Итак, «субъект развития вовсе не отвлеченное понятие и не отвлеченная реальность», а вполне конкретное многоединство, существующее в истории. «Он – актуальное многоединство, конкретное единство многого», «он *и всевременен и всепространственен, что отнюдь не уничтожает реальности времени и пространства*» [3, с. 6–7, курсив наш. – Н. Ч.].

Мыслитель призывает нас к тому, чтобы мы тщательно изучали историю своего народа, через конкретные факты подходить к историософии. «Чем больше мы знаем историю изучаемого народа, тем более возвышаемся над гаданиями, тем лучше оцениваем относительное значение *возможностей данного момента*, тем полнее, глубже, конкретнее их познаем» [3, с. 14, курсив наш. – Н. Ч.]. Стоит обратить внимание также на то, что Карсавин писал в 1923 г.: «Мы рассматриваем русский исторический процесс как церковный» [5, с. 355]. На церковь Карсавин смотрит предельно широко, сохраняя при этом ее мистический характер: «И не может быть Церковь *частью* эмпирии, частью, противостоящей государству, обществу или каким-нибудь иным соединениям. Она – *вся* эмпирия и больше, чем эмпирия. При этом она *так* вся эмпирия, что в ней ничто эмпирическое: ни госу-

дарственная, ни общественная, ни вообще культурная деятельность, не исчезает, но только получает свое усовершенствование, теряет свою недостаточность» [5, с. 349]. История России и русской церкви не закончилась ни революцией 1917 г., ни переворотом 1991–1993 гг., продолжается она и сейчас и будет продолжаться до скончания века.

Что касается научного *знания* о будущем, то Карсавин пишет: «Едва ли научно гадать о будущем, которого можно желать и к которому должно стремиться, но которое все равно неизвестно» [3, с. 15]. Да, с научной точки зрения, мы действительно не можем быть на сто процентов уверенными в том, что произойдет то, чего мы желаем. Но вычислять вероятности того или иного исхода можно. И, более того, можно влиять на эту вероятность. То есть увеличивать вероятность желаемого исхода и уменьшать вероятность нежелательного хода событий. Любой человек воздействует в той или иной степени, хоть и незначительной, на ход истории, даже своим желанием или нежеланием, а православный человек своим усердием или, наоборот, небрежностью в молитве, посте, исполнении Евангельских заповедей. Все эти малые величины, положительные и отрицательные, складываются в одно общее действие коллективного русского субъекта. В таком случае на мне лично лежит ответственность, если я остаюсь сторонним наблюдателем происходящих событий.

Каждый человек действует по своей вере. Философ задается вопросом: *«Будем говорить совершенно конкретно. – Ожидает или не ожидает нас, русских, великое будущее?»* Его ответ таков: *«Я... полагаю, что да и что надо его созидать»* [3, с. 15–16, курсив наш. – Н.Ч.]. Карсавин говорит не только о возможности, но и о *нравственной необходимости осуществить лучшее будущее*, которое, по его мнению, «осуществимо через настоящее и в настоящем, осуществимо лишь предельным напряжением сил в решении непосредственно предстоящих задач. Оно может быть, если мы его захотим не только словесно, но и действительно» [3, с. 18–19]. Заметим, что, уже будучи высланным в Германию, философ не устал повторять: «История России совершается там, а не здесь». В противовес многим деятелям русского зарубежья, он полагал, что и в годы советской власти русский «многоединный субъект» через все трудности осуществлял свое историческое призвание¹.

Здесь мы позволим себе сделать небольшое отступление и приведем суждение другого русского философа, В. В. Розанова, также пи-

¹ «Хотя он [Карсавин] и готов был допустить, вместе со сменовеховцами, что большевики удержали от полного развала Россию и ее государственность, но, в противоположность им, твердо полагал должным не покорность большевизму, а упорные поиски верной стратегии его преодоления. И все же из всего круга наших религиозных мыслителей... именно он заходил дальше всех в принятии и одобрении большевистской политики и склонен был верить в плодотворность советского эксперимента» [16, с. 158].

савшего о «русской идее». Розанов уточняет суть «русской идеи» и ее неизбежное историческое искажение, которого нам в будущем всеми силами следует стараться избегать. В разговоре двух собеседников из романа Достоевского выражены две, по сути, противоположные точки зрения. Воспроизведем их.

Шатов: «Знаете ли вы, что есть только один Народ-Богоносец; и этот народ русский... Когда народы начинают *смешивать* богов своих, то они исчезают: всякий народ *утверждает* себя в истории, *себя одного* и своего Бога, – а других всех прочих богов и другие народы отвергает, уничтожает».

Ставрогин возражает Шатову: «Нет, Шатов... У вас “Бог” выходит каким-то только *атрибутом народности*... А ведь подлинно-то есть Бог, перед Которым народы – ничто, и вот это Он, Вечный, избирает преемственно себе тот или иной народ в “сыновство”... Так что “Русский народ-Богоносец” – эту мысль нужно читать наоборот, чем вы сказали: Истинный Вечный Бог избрал убогий народ наш, за его смирение и терпение, за его невидность и неблистанье, в союз с Собою: и этим народом Он покорит весь мир своей истине, которая есть именно – смирение, безвидность, простота, ясность, доброта». Речь здесь, конечно же, идет о Евангельской истине.

«Отсюда, – заключает Розанов, – *Смирись*, гордый человек! – брошенное русской интеллигенции [Достоевским], т. е. “не изменяй своему Богу, Богу *смирения*. Который призвал тебя в *сыновство*”. Ибо тогда, *без идеала и помощи Божией*, – *мы погибнем*» [15, с. 271, последний курсив наш. – Н.Ч.]. Пожалуй, этим все сказано...

Карсавин пишет о том, что пророчество понятно и оправдано у художника. Философ приводит пример Достоевского, который «очень ярко и увлекательно изображает нам будущее человечества (по крайней мере – европейского) под православным водительством ставшей во главе славянства России. Он выясняет те религиозно-нравственные начала, которыми будет руководствоваться русский народ в отличие от народов романских и германских». Карсавин называет идеологию Достоевского «предельной актуализацией» русской идеи [3, с. 16–17].

Пророчески-ориентированный художник, светский пророк, если можно так выразиться, усматривает *необходимые для осуществления русским народом христианской идеи свойства* в нашем прошлом и настоящем. По мысли Карсавина, Достоевский как истинный художник «сумел подняться над их потенциальностью, диалектически развернуть ее, сумел осмыслить их цель – известный религиозно-общественный идеал». И здесь же Карсавин снова подчеркивает, что «отсюда еще не следует, что идеал осуществится, перейдет из потенциальности в действительность» [3, с. 17].

Тем не менее, нас должно вдохновлять то, что общественный идеал Достоевского уже осуществился однажды в истории, не вполне совершенно, конечно, – впрочем, как и подобает, согласно логике фи-

лософии всеединства, – но все же некоторым образом он осуществился в Советском Союзе 50-х – 70-х годов XX в. Вспомним, что «Восток, Запад и русская идея» – работа 1922 г. То есть для Карсавина идеал осуществляется в будущем. А для нас? Осуществится ли он еще раз? Ведь сейчас мы опять находимся на развилке истории, в подвешенном состоянии.

Заметим, что Карсавин далее говорит: «Возможно, что актуализоваться ему помешают какие-нибудь *иные* русские свойства, например – *косность, лень, утрата религиозной веры* или... иные потенции мировой истории» [3, с. 17–18, курсив наш. – Н.Ч.]. Вопреки марксистской теории, философски во многом опирающейся на Гегеля, никакого *научного* оптимистического вывода о будущем человечества мы сделать не можем. А в великое будущее России, с одной стороны, мы можем «только верить» (хотя и опираясь на пророчества святых людей и гениальных художников), но, с другой стороны, мы можем уже сейчас созидать его по вере, к чему и призывает нас Карсавин. «Только то будущее, которое и сейчас проявляется в добре, должно быть целью деятельности» [3, с. 120].

Таким образом, все мы вместе как коллективный субъект, коллективная личность можем либо совершить, либо не совершить то, что для нас предназначил Бог... Этого великого будущего может и не быть, ибо нет никакой предопределенности. Но именно поэтому за него необходимо бороться. Великое будущее великой страны может быть отменено из-за нашей лени, из-за нежелания действовать каждому на своем месте, соответственно своему уникальному логосу. Многоединый русский субъект как в то время, когда писал свою работу Карсавин, так и сейчас находится в сложной ситуации. Все еще может осуществиться, но может и не осуществиться. Все зависит от нас. Но этим и интересна история. Если мы снова воспримем русский общественный идеал всем сердцем, все мы, как субъект истории, как соборная личность, то с большей вероятностью он осуществится. Вера в идеал – это, можно сказать, первый шаг в осуществлении «русской идеи»... Впрочем, это уже второй шаг. Поскольку всем нам надо, прежде всего, *осознать, в чем заключается наш идеал*. Ведь наша молодежь в большинстве своем даже и не знает об этом идеале, о «русской идее». А почему именно русская? Зачем нам нужен идеал, идеология или идея? И т. д. и т. п. Увы, нашу молодежь приучили думать в первую очередь о сугубо материальных потребностях, о том, чтобы использовать свой талант не на благо Отечества, а чтобы зарабатывать больше денег. И в ответ на вопрос о том, чего вы ждете от своей карьеры, будущие выпускники вузов все чаще отвечают: денег, удовольствия и успеха. А все это ныне для них легче получить за границей. Капитализм превращает гражданина великой страны в жалкого потребителя и не может воспитать патриота. Карсавинское понятие «соборной личности» помогает обосновать необходимость осуществления на практике «социального государства», нового социа-

лизма даже просто для выживания, не говоря уже о развитии творческого потенциала, заложенного в народе.

Таким образом, *наша первая задача – воспринять идеал* как наряду, как соборной личности. Это значительно повысит вероятность его осуществления в истории. Чем больше наших молодых людей будут понимать, что мы призваны выполнить особую миссию в истории, что смысл жизни заключается не в стяжании материальных благ и не в реализации индивидуалистических амбиций, а в служении ближнему и Отечеству (что замечательно показали в своих работах русские философы, основываясь на православном мировоззрении), тем увереннее осуществится переход к справедливому социальному укладу.

Карсавин выделяет «моменты всеединства» в истории России: рост государственности, литература, искусство. Можно исходить из любого момента русской истории, диалектически раскрывая его и сопоставляя с другими моментами. Но надо сосредоточиться на моментах несомненного значения, тогда наши выводы будут выглядеть надежными и убедительными, считает философ. «Нельзя считать второстепенным моментом, а, следовательно, и не показательным, не богатым потенциальными, русскую религиозность, в которую включается и русский воинствующий атеизм. Во всяком случае, из религиозности исходить так же законно, как и из чего-либо другого» [3, с. 19]. Далее мыслитель подчеркивает, что для того, чтобы уяснить «русскую идею» в ее отношении к Востоку и Западу, он вынужден взять как наиболее показательный момент именно религиозность.

В религии дано отношение человека к Абсолюту, поэтому она является, с точки зрения Карсавина, «наиболее значительной областью жизни», а религиозность для философа всеединства «наиболее богатый и удобный исходный момент» [3, с. 21]. Нельзя не согласиться с тем, что даже советский атеизм, *ставивший своей целью осуществление социальной справедливости*, вплотную приблизился к религиозному пониманию жизни. Но социалистический атеизм сталкивается с внутренним противоречием: без обращенности к Абсолюту как Личности, а не абстрактному принципу единства, вся социальная теория рушится, поскольку в силу вступает принцип личной выгоды. Попавший на вершину власти атеист не может не лукавить: на словах он провозглашает социальную справедливость, но на деле он к ней не стремится. Указанное противоречие и привело к разрушению СССР [11].

Как мы видели, в начале своего очерка Карсавин вполне четко определил свою позицию по отношению к западничеству. Он считает, что наша страна даже в периоды «острой европеизации» сохраняла свой национальный характер. Но, очевидно, подчеркивает философ, «не в европеизации смысл нашего исторического существования и не европейский идеал предносится нам как наше будущее. Если бы было так, мы были бы народом неисторическим, годным лишь на удобре-

ние европейской нивы... и ни о какой русской идее не стоило бы и говорить» [3, с. 77]. В качестве некоторого упрощения он не выделяет Россию из всего восточно-христианского мира. Он четко видит разницу между западным христианством (католичеством и протестантством) и восточным христианством (православием). Иными словами, учитывая, что Карсавин придерживается идей Достоевского в данной области, он рассматривает Россию как главнейшую представительницу православного мира. И именно с этой точки зрения он смотрит на русскую идею.

Далее мыслитель делает небольшое, но необходимое отступление по поводу догматических различий христианского Востока и христианского Запада. В связи с этим стоит отметить, что Карсавин выгодно отличается от многих наших философов прекрасным знанием догматики. Более того, как отмечают исследователи, «среди всех представителей русской традиции всеединства Карсавин был первым и, пожалуй, единственным, кто сознательно строил свою философию на незыблемом основании христианской догматики... В его понимании догмы нет ни холодной абстрактности, ни высокомерия разума, характеризующих отношение к ней В.С. Соловьева, ни отрицающего последнюю реальность догмы символизма Н. Бердяева, ни фидеистической склонности С. Франка видеть в ней “внеразумную” истину религии, совершенно недоступную мысли» [12, с. 7]. Не следует, конечно, считать, что Карсавин, как православный мыслитель, никогда и ни в чем не ошибался. Известные исследователи его творчества С. С. Хоружий и Ю. Б. Мелих, подчеркивая, с одной стороны, что Карсавин характеризует «проницательное видение философских сторон догматики христианства», отмечают, что и у него есть «немало догматических вольностей и отклонений», как и во всей русской религиозной философии [9, с. 20–21]. Без этого не бывает мыслителя. Тем не менее, вольности и отклонения в карсавинской мысли не главное. Главное – творческое проникновение в способ мышления святых отцов и попытка сделать на этом основании свои глубокие выводы, касающиеся истории.

Безусловное преимущество православного Востока, пишет Карсавин, в том, что мы ничего не добавляли к символу веры, удержались от «увлечения местными, не вселенскими новшествами Запада» [3, с. 78]. Консервативность Востока сыграла в этом смысле положительную роль. «Восток оставался неподвижным, но верным несомненно-вселенскому» [3, с. 79]. В отличие от В. С. Соловьева, Карсавин не пытается соединить несоединимое и, благодаря отличному знанию христианской догматики, подкрепленному философским осмыслением последствий принятия доктрины так называемого «догматического развития», он показывает, к чему привели догматические «новшества Запада». С. С. Хоружий акцентирует внимание на том, что в работе «Восток, Запад и русская идея» русский мыслитель «говорит о типах культур, связывая их различия с различиями рели-

гиозной догматики», и уже отсюда он подходит и к русской идее, к судьбам России и православия [16, с. 134].

Именно православие сохранило духовную Истину, хотя на практике зачастую как раз из-за своего консерватизма оно не достигало раскрытия этой Истины в повседневной жизни. Карсавин выдвигает тезис о *потенциальности православной культуры*. «Недостаточность... православия в том, что оно только хранит, не раскрывая и не развивая потенциалов хранимого, что оно не действенно, пассивно» [3, с. 97]. Одной из причин пассивности православия, на взгляд Карсавина, является понимание вселенскости задач и невозможности выполнения их отъединенными индивидуальными усилиями¹. Немного выше он пишет: «Я не думаю, чтобы нужно было подтверждать примерами пассивность нашей религиозности (а она выражает всю нашу культуру)» [3, с. 92]. Более того, он считает, что идея самодержавия, тесным образом связанная с русским православием, так и осталась у нас не достаточно развитой, несмотря на то, что христианская монархия признавалась «наилучшей формой земного общественного и государственного бытия» [3, с. 95–96]. Россия, являясь важнейшей частью восточно-христианского мира, в практическом плане не достигла до революции 1917 г. того социального устройства, к которому была призвана. Парадоксальным образом, в конечном итоге, после всех действительно страшных гонений на веру атеистическое советское государство во многом воплотило в жизнь принципы всеединства, заложенные в православии. Но, как уже было сказано выше, по понятным причинам оно не смогло удержаться на высоте «русской идеи».

Консервативность Востока сыграла, таким образом, как положительную, так и отрицательную роль в истории России. Вообще славянофильское направление русской мысли призывало в основном к консерватизму. Вспомним, хотя бы известное высказывание К. Леонтьева о том, что Россию нужно немного «подморозить», чтобы она не загнила от Запада. Но история показывает, что когда Россия движется в общем с Европой направлении, консерватизм не помогает. Он начинает сводиться к попытке сохранить форму при утрате содержания. Так, к примеру, консервативная политика царя-миротворца Александра III уже не могла удержать страну от кризиса во многом из-за того, что она пошла по тупиковому капиталистическому пути развития. Нужны были, по всей видимости, «великие потрясения», чтобы Россия, в конце концов, вышла на новое понимание общественных отношений и роли государства и стала великой державой.

¹ Ср.: «Православие потенциально в силу того, что в нем живо и остро понимание вселенской идеи, идеи всеединства, в силу того, что оно сознает невозможность осуществлять вселенское задание только индивидуальными усилиями» [5, с. 355].

Продолжая писать о различиях в догматике, Карсавин подчеркивает, что, «когда Запад религиозно и культурно обособился и попытался отъединено продолжать *развитие догмы, признаваемое и выдаваемое за вселенское*, Восток остался... верным несомненно-вселенскому. В учении о триединстве он не признал *Filioque*» [3, с. 79, курсив наш. – Н.Ч.]. Как показывает русский философ, прибавление к Символу веры слов об исхождении Духа Святого не только от Отца, но и *от Сына* привело к значительным искажениям во всем мировоззрении Запада. «Мы видим, как в связи с *Filioque*... западная религиозная мысль устанавливает *разрыв между абсолютным и относительным*, проходящий даже через само триединство. Такого разрыва для православия нет»¹ [3, с. 80, курсив наш. – Н.Ч.]. Именно по этой причине учение об обожении в неусеченном виде есть только в православии. «Как ни ограничено, как ни несовершенно относительное бытие, оно представляется [христианскому] Востоку реальным и в некотором смысле божественным (не иллюзорным и преходящим – только). Оно реально в самой эмпиричности своей и подлежит всецелому... обожению» [3, с. 80].

Непостижимость Абсолюта для православия не означает абсолютной трансцендентности Божества, отношения Абсолюта и верующей личности не статичны, но динамичны. Православие сохранило *возможность* постижения Божества и закрепило его окончательно в догмате о Фаворском свете (святитель Григорий Палама). «Познание абсолютного и заключается в преодолении его непостижимости, мыслимом и реальном как непрерывное обожение человека, начинающемся здесь, на земле, а не переносимом в потустороннее, в идеале осуществимом и уже осуществленном» [3, с. 80–81].

Возможность обожения для человека влечет за собой возможность преображения мира, о котором со всей силой говорит православие. «Царствие Божие», которое, по словам Христа, «внутри вас есть» (Лк. 17:21) начинает осуществляться здесь на земле, причем не только в личной, но и в общественной жизни. Безусловно, не может и речи идти о полном его осуществлении на *этой* земле, иначе мы впали бы в ересь *хилиазма*², параллели с которой можно видеть и в марксист-

¹ О «филиокве» см. комментарий С. С. Хоружего: «На Западе, а порою и в Православии, склонны утверждать несущественность этого различия, считать его некой чисто теоретической мелочью. Однако для рус. религиозной философии характерней противоположный взгляд, утверждающий глубокое значение догматических формул, находящий их отражения в истории и культуре общества, в духовных традициях. В частности, весьма важное значение придавал “филиокве” Хомяков; и он, и Карсавин целиком поддерживали традиционный православный аргумент: филиокве – принижение Духа Св., коль скоро и Отец, и Сын имеют некоторое общее свойство, отсутствующее у Духа» [4, с. 527].

² В работе «Путь православия» Карсавин пишет: «Осуществленность Церкви не в “начале” эмпирического бытия, не в “конце” его и не где-нибудь в его середине;

стском коммунизме. Более того, нам следует ожидать ожесточеннейшей борьбы не только за возможность осуществления нового социализма в России, но и за его сохранение, поскольку весь мир находится в состоянии глобального кризиса, порожденного сребролюбием, являющимся, по словам апостола Павла, корнем всех зол. Такова коллизия сил в драме современного человечества.

Итак, Россия, для которой святость была абсолютным идеалом на протяжении многих веков, призвана к тому, чтобы удерживать мир от сползания в бездну хаоса, хотя и сама сейчас находится в состоянии близком к хаосу. В этом нет ничего удивительного, поскольку там, где большое призвание, там и большие искушения и большая борьба. Будем надеяться на то, что помощь Божия не оставит нас, если только мы сами не откажемся от веры в Бога и от своего идеала.

Для православного сознания нет разрыва между абсолютным и относительным, а потому во все благое, что делает человек, он может вкладывать абсолютный смысл, в том числе, конечно же, и в служение Родине. Карсавин пишет: «В полной согласованности со всем сейчас указанным деятельность человека *не является* для православия *ограниченно-человеческою деятельностью*. Она есть деятельность человека в постоянном, непрерывном причастии его к Божеству через Христа, богочеловеческая, все равно – в какой бы области она ни проявлялась: в индивидуальной, общественной, государственной. Человек для восточного религиозного сознания не раб, отпущенный на оброк в отхожий промысел и потом получающий мзду по делам своим; но – сын Божий, никогда окончательно не утрачивающий единства с Отцом» [3, с. 81–82, курсив наш. – Н.Ч.].

Русский философ подчеркивает, что «православной мысли в высокой степени присуща интуиция всеединства». «Как всеединство постигается само абсолютное или триединое; как всеединство предстает идеальное состояние причастующего абсолютному космоса; и всеединство же в потенциальности своей характеризует эмпирическое бытие». И вся наша деятельность мыслится в соответствии с интуицией всеединства. «А интуиция всеединства непримирима с типичным для Запада механистическим [атомистическим] истолкованием мира!» [3, 82] Человек в философии всеединства отнюдь не мыслится как часть системы. Человек не может быть частью системы, поскольку человек – это целое, это – *само всеединство*, пусть и пока еще несовершенное. Человек охватывает собой все и не может быть вещью среди вещей, атомом, частью, узлом системы, как сейчас нам пытаются представить создатели «дивного нового мира».

не в прошлом, не в настоящем и не в будущем. *Осуществленность эта в ином бытии, в котором содержится, как усовершенный, всякий момент эмпирии и путь в которое для всякого момента лежит не по линии времени, а “перпендикулярно” к ней*» [5, с. 349, курсив наш. – Н.Ч.]. См. также [14, с. 195].

В противовес западному механистическому толкованию общества (общество как хорошо отлаженный механизм) православие выдвигает принцип органической связи членов общества. Церковь как мистическое Тело Христово, преобразует общественные отношения в нечто совершенно иное, чем внешне связанные между собой части механизма. Карсавин считает, что «потенции христианской идеи» по-разному актуализируются Западом и Востоком [3, с. 86]. Запад более рационалистически и юридически истолковывает христианство. Вследствие этого законничество процветает на Западе.

С другой стороны, на момент написания работы «Восток, Запад и русская идея» Карсавин мог с полным правом говорить о том, что религиозные потенции христианского Востока еще не раскрыты по настоящему. «Применительно к православию можно говорить лишь о тенденциях развития» [3, с. 87]. Эта потенциальность вполне определенным образом раскрылась в нашем советском прошлом, несмотря на официально заявленный атеизм. Истинно социальное государство, которое должно прийти на смену либерализму и капитализму, иначе России просто не будет [7], и должно осуществить снова, на новом витке истории, этот идеал, который, говоря словами Карсавина, предносился Достоевскому.

Далее мы попытаемся разобраться, в чем же имманентная причина нераскрытости православной культуры в эмпирии. Итак, наше состояние, согласно Карсавину, «потенциальное», неактуализованное. Он отмечает такие черты православной культуры как «*пассивность и недейственность, равнодушные почти сонное*» [3, с. 87, курсив наш. – Н.Ч.]. Эта критика во многом остается, к сожалению, актуальной. В отношении к нашей сегодняшней действительности следует добавить также нашу *пассивность в осознании того, что с нами происходит*. Тогда как мы должны все силы бросить на то, чтобы довести до каждого русского человека мысль, что речь идет о том, быть или не быть русской культуре, русской цивилизации, русской государственности. Ни много, ни мало. Важно понять, что без русской государственности не будет и русской культуры, поскольку культура – это очень высокоразвитый организм, который нужно лелеять, оберегать, ограждать от варваров. Сделать это может только сильное государство.

Но посмотрим, что пишет Карсавин. Пресловутая русская лень невольно заставляет вспомнить о покое буддиста. Восток созерцателен. «Исконная, органическая русская пассивность стоит в связи с устремленностью к абсолютному» [3, с. 87]. Здесь вспоминаются слова преподобного Силуана Афонского о том, что русский человек не может быть таким деятельным (вовне), как европеец, поскольку его первая мысль о Боге. Это заставляет русского человека становиться на молитву и только после этого начинать всю свою деятельность в мире. Точно также по окончании любого дела русский православный человек воздает славу Богу. Характерен пример великого русского

полководца А. В. Суворова. Секрет его непобедимости (за всю свою жизнь он не проиграл ни одного сражения) в том, что перед каждой битвой он обязательно молился на Литургии. Это было не некое магическое действие с его стороны, но побуждение глубоко верующей и любящей Бога души. По этому поводу можно также привести народную поговорку: «Русский долго запрягает, но быстро едет». Если посмотреть на пример самого преподобного Силуана Афонского, то у него ведь отнюдь не сонное мечтание о Божественном, а усиленная молитва, молитва изо всех сил о мире, погибающем во грехах, о себе самом и даже о врагах. Таким образом, тезис о том, что православная культура способствует некоей лени, следует уточнить. К сожалению, некоторые православные неправильно понимают свое назначение: оно не только в соблюдении обрядов, не только в пассивном изучении христианского наследия, но и в активном доброделании, движимом любовью к Богу и к людям. И именно благодаря последнему церковь в России может значительно расширить свое влияние на общество в целом.

Тем не менее, даже отбрасывая искаженное понимание православия, мы должны признать вслед за Карсавиным, что при сосредоточении внимания на себе самом («Царство Божие внутри вас есть»), на своей совести «религиозность естественно становится отрицающей мир с несравнимо большею энергией, чем на Западе» [3, с. 88]. Таким образом, перед русским человеком ныне стоит задача двойной сложности. С одной стороны, будучи православными, мы не можем не отрицать мир с его пороками, в том числе с его внешней религиозностью, с другой стороны, мы не можем не укреплять нашу государственность и не развивать нашу культуру. Иначе ее место займет другая культура, более агрессивная. Христианский аскетизм должен помочь нам решить, где остановиться, чтобы не тратить свои силы на чисто внешние улучшения, особенно на комфорт и изобилие внешних благ. «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33).

Карсавин далее пишет о том, что в православии в отличие от буддизма «реальность мира... не отрицается, и, поскольку сознание не поглощено абсолютным, оно сосредоточивается на идее преображения мира уже здесь, на земле, уже теперь» [3, с. 90]. Заметим, что русской философии свойственно думать именно о *преображении мира*. Не о построении нового мира, новой действительности, а о преображении того, что есть, т. е. об оздоровлении, о благоустройстве того, что имеется.

Однако, отмечает Карсавин, во многих случаях «православный аскетизм остается равнодушным к миру... недействительно умиляется красою и правдою Божьими, на зло же и безобразию не смотрит или старается не смотреть... Все приемлется, все оправдывается, но — созерцательно, не для того, чтобы действительно усовершенствовать эмпирию» [3, с. 91]. Философ восстанавливает логику восточно-христианского от-

ношения к бытию. Если Запад своим разделением на абсолютное и относительное бытие отверг саму идею обожения, заменив ее самообожением, или самообожествлением, к которому способны, по логике Великого инквизитора из романа Достоевского, лишь немногие: они-то и могут править стадом из ленивых и неопытных; то на Востоке другая проблема. Разрыва между абсолютным и относительным бытием нет. Обожение открыто всем. И Абсолютное бытие воспринимается созерцательным духом в этом мире, который «в божественности своей предстает пассивному духу как уже данное» [3, с. 92]. Несмотря на все несовершенства, греховность человека и человечества в целом, мир в этой своей «недостаточности» уже божественен. «Рано или поздно мир усовершенствуется и станет истинным всеединством, обожится всецело – в этом сомневаться нельзя. Если так, то – возникает лукавая мысль – стоит ли деятельно стремиться к его преобразению? *Уверенность в будущем обеспложивает настоящее, как на Западе обеспложивает его идеал прогресса¹, именно потому и соблазнительный для православного сознания*» [3, с. 92, курсив наш. – Н.Ч.]. Исключительно ценное замечание применительно к нынешней ситуации! Идеал технического прогресса оказывается для нас неким завораживающим «соблазном», парализующим нашу волю к самоисправлению, заставляющим нас забывать о том, что никакой научно-технический прогресс не в силах отменить несовершенства человека, пользующегося его плодами и могущего обратить их не во благо человечества, а в пагубу.

«Русская идея», таким образом, предстоит нам как идеальное задание, проистекающее из нашей веры во всемогущество Божие и Его благодать к нам. Безусловно, что осуществить его нам как народу удастся не вполне совершенным образом. Тем не мене, к его воплощению в жизнь, мы должны стремиться всеми своими силами. Карсавин подчеркивает, что «идеальное состояние мира, определяемое неотступно предстоящим умственному взору абсолютным бытием, *недостижимо путем частичных реформ или поправок или отъединенных усилий*. Оно может быть плодом только всеединой, вселенской деятельности и предельного напряжения деятельности каждого» [3, с. 92–93, курсив наш. – Н.Ч.]. Социальный аспект православного

¹ В другом месте своей работы Карсавин пишет: «Необходимость обращения во всякий момент к абсолютному настоятельно требует преодоления ограниченности западного эмпиризма и решительного отказа от суррогатов всеединства, именуемых идеалом прогресса» [3, с. 114]. Говоря о прогрессе, А. И. Осипов отмечает: «Это искушение преследует человечество всю историю, начиная с первого греха первых людей, возмечтавших стать как боги (Быт. 3:5). Сам научно-технический прогресс в своих психологических истоках нацелен на власть человека над природой, которая сделает его богом в этом мире. Однако, как писал преподобный Иоанн Лествичник: “Гордый подобен яблоку, внутри сгнившему, а снаружи блестящему красотою” (Лествица. Слово 23.31)» [14, с. 31–32].

отношения к миру, точнее, к той части мира, в которой нам суждено родиться и жить, иными словами, православный патриотизм, к сожалению, оказался не проработан нашими дореволюционными богословами. И Карсавин, мыслитель, богослов и философ, является в этом плане счастливым исключением. Более того, Карсавин также преодолел и негативные тенденции западной философской мысли. Как отмечает С. С. Хоружий, «историзм Карсавина существенно личностен». И хотя философ категорически заявляет о том, что Личность есть, прежде всего, Бог, а мы личности только про причастию к Нему, но именно благодаря выстраиванию православного персонализма, у него появляется важное отличие от Маркса и Гегеля: носитель личного бытия – «не “субъект общественных отношений” и не “мировой дух”, но тварная личность, индивидуальная и коллективная» [16, с. 143–144]. Не стоит забывать, что, согласно Карсавину, задача православного сознания, в частности, заключается, в «преодолении западного философского миропонимания» [3, с. 112].

В работе «Восток, Запад и русская идея» мыслитель делает акцент на наших минусах более чем на плюсах. И ради того чтобы мы не перестали существовать как соборная личность, как исторический русский народ, нам следует прислушаться к его предостережениям. Русский человек – человек крайностей, это отмечали многие. «И стоит колебаться вере в абсолютное, чтобы появилось полное отрицание морали и вообще всего исторически сложившегося. Недаром Иван Федорович Карамзев, человек очень русский, вместе с Ф. М. Достоевским полагал, что “все дозволено”, если нет бессмертия» [3, с. 94]. Революция 1917 г. доказала это в полной мере. И не дай Бог нам повторить этот исторический урок! Итак, философ призывает нас обратить внимание на те моменты нашего общественного сознания, которые могут сыграть отрицательную роль в будущих событиях. Нельзя забывать, что мы должны действовать как единый организм, в едином порыве, как единая соборная личность. Какой бы слабой ни казалась Русская церковь сегодня, именно она должна произвести из себя тех людей, которые возглавят процессы оздоровления нашей жизни¹.

Карсавин вспоминает о том, что византийская государственность, «Второй Рим», создавался, держался и оправдывался своим религиозным началом. Точно так же религиозным началом держалась и русская государственность вплоть до 1917 г. Только тогда когда религиозность наша стала почти чисто внешней, число подвижников уменьшилось до критического предела и стали мы совсем слабы духовно, нас постиг «Божий бич» революции. Однако Карсавин уверен, что «русское православие больше связано с идеей самодержавия, чем то принято думать» [3, с. 95]. Именно поэтому катастрофа монархии

¹ Недаром, говоря о русской церкви, часто вспоминают фразу из Откровения святого Иоанна Богослова: «Се, гряду скоро: держи, что имеешь, дабы кто не захитил венца твоего» (Откр. 3:11).

стала катастрофой русского православного народа, подчеркивает философ. Говоря о нынешней ситуации, мы вынуждены признать *в связи с этим*, что состояние, в котором мы сейчас находимся, является для нас абсолютно неестественным. Но мы сами как народ, как соборная личность в нем и виноваты. «Все происходящее в жизни человека и общества, в том числе и скорбное и трагическое... определяется степенью соответствия их духовного состояния закону любви – заповедям Христовым. Не Бог наказывает... человека, а сам он своим отношением к богозданным законам определяет свою судьбу» [14, с. 64]. На нас как народе, в том числе, лежит ответственность за то, что мы не рассматриваем наше состояние с точки зрения конечных причин и целей, забываем о том, что есть замысел Божий о нас.

«Достоинно внимания, – пишет Карсавин, – что до сих пор в России все живые политические и общественные идеалы всегда становились и религиозными идеалами, хотя бы это и неясно сознавалось самими носителями» [3, с. 95]. Таким образом, может иметь место неосознаваемая или, что хуже, искаженная религиозность носителей общественных идеалов. Тем важнее помочь этим людям осознать их идеалы с точки зрения нашей общей «русской идеи», то есть Божьего замысла о нас, о Святой Руси, помня, что наша соборная святость не есть данность, но заданность.

Итак, по мысли Карсавина, русская православная культура, верная преданию и справедливо усматривающая в этом свой положительный момент, не должна оправдывать этой верностью традиции также и свою косность [3, с. 98]. Ожидание Царства Божия не должно быть пассивным. Практически, учитывая нынешние исторические условия, наша задача оказывается двуединой. Во-первых, это преобразование мира («Русского мира»), во-вторых, ограждение его от влияния Запада. В некотором смысле речь идет о консервации традиционного уклада жизни, где за человеком признается право оставаться человеком. Возрождая наше суверенное социальное государство, мы пытаемся предотвратить наступление ада на земле. Речь идет о том, что в настоящее время государства утрачивают свои традиционные функции, они повсеместно «отстают» от транснациональных корпораций [13]. Наша цель – возродить наше социальное государство, не дать ему быть поглощенным хищническими монопольными интересами крупных дилеров.

«Мы переживаем самый, может быть, глубокий кризис нашей исторической жизни... Возможно, что мы его не переживем. Положение наше опаснее, чем положение Запада в поворотный момент его истории. – *Мы не самоутверждением привыкли жить, а неполная, пассивная самоотдача грозит полной потерей себя. Но если велики опасности, велики и надежды*» [3, с. 119, курсив наш. – Н.Ч.]. Карсавин еще и еще раз подчеркивает социальный аспект осуществления русской идеи: «Личная этика неотрывна от этики общественной и покоится на тех же самых началах» [3, с. 119]. Философ пишет

о необходимости жертвенного служения, которое вне контекста христианской мысли с трудом может быть понято и принято. Осуществление личностью своего конкретного задания в бытии происходит через усвоение всего и через самоотдачу. «Для личности идеал всеединства выражается в полноте самоутверждения (хотя не в смысле утверждения эмпирической своей самости, каковая есть ограниченность) и в полноте самоотдачи, т. е. смирения и жертвы собою» [3, с. 99]. Жертвенность в предельном своем выражении включает в себя готовность отдать жизнь за достижение общей цели. Но поскольку наши цели и задачи не могут быть чисто земными, «посюсторонними», а тем паче чисто материальными, такая жертва оказывается вполне оправданной и вознагражденной в «жизни будущего века». Идеал всеединства начинает осуществляться здесь, но осуществляется вполне он только по ту сторону этого земного бытия. «Христианство утверждает, что земная жизнь является только подготовкой к вечности и вся деятельность человека во всем многообразии ее форм обусловлена его духовным и нравственным состоянием, которое и определяет в конечном счете уровень всей жизни» [14, с. 16].

Отметим, что в работе «Путь православия», написанной несколько позднее разбираемой нами статьи 1922 г., Карсавин еще раз со всей силой подчеркивает место и роль русской церкви во вселенском православии. В преддверии самых жестоких гонений на церковь в России философ уверенно провозглашает: *«Православная Церковь есть по преимуществу Церковь Русская, не мыслимая вне русской культуры, в длительном отрыве от русской государственности и русской жизни. В ней, а не в греческой, не в других славянских церквях, донныне с наибольшей полнотой выражается вселенски-православная идея, как в древности она выражалась в церквях восточных, позднее в церкви византийской. Будучи национальной, русская церковь не перестает быть единой вселенской апостольской Церковью. Она свято и ревниво хранит догматическое наследие древней церкви, еще не знавшей разделения, еще сильной вселенским единством. Она ни в чем догму святоотеческую и вселенскую не искажала, ничего к ней не прибавила. Она ревниво берегла древний культ; и так называемый “раскол” вызван как раз этим бережением и боязнью новшества, более обоснованным, чем казалось еще недавно... Православие живет, поскольку живет подлинно и несомненно вселенским. Однако вселенское может быть выражено им лишь в понятиях и на языке русского народа; и в национально-русском оно видит свой дар вселенскому»*¹ [5, с. 352–353, курсив наш. – Н.Ч.]. Таким образом, не в горделивой мечте об обладании всем миром, а в

¹ Ср.: «В историческом своем развитии и в бытии своем Вселенская Православная Церковь отнюдь не какое-то интернациональное или вне-национальное сообщество. Так склонны определять (т. е. ограничивать) Церковь католики» [6, с. 420].

ревностном стремлении отстоять Истину, которая всегда всеобщая, целостная (греч. *катхалос*), а не частичная, узко-национальная, и состоит наша миссия в этом мире. И если мы сможем на новом витке истории прийти к справедливому общественному устройству, основанному на христианской любви к ближнему, то дело других народов будет заключаться в том, чтобы последовать нам в этом стремлении воплотить Евангельский идеал в жизнь. Именно в этом смысл предугаданного Достоевским нашего поставления во главе православия и, возможно, также во главе обновленной Европы.

В заключении можно сказать, что одним из главных тезисов карсавинской статьи «Восток, Запад и русская идея» является положение о том, что *земное бытие находится в состоянии некой потенции, которой еще предстоит раскрыться*. Мысль Карсавина устремлена в будущее, хотя он и подчеркивает, что «будущее в настоящем и... настоящее само по себе обладает непреходящей ценностью» [3, с. 119]. В этом отношении мыслитель Серебряного века остается подлинным русским человеком. Прилагая слова Ю. Б. Мелих, сказанные – в контексте разбора карсавинского наследия – о «среднем человеке» эпохи или народа, к самому Карсавину, можно констатировать, что «гений просто наиболее ярко выражает среднее, всем присутщее, в чем и состоит секрет его популярности» и востребованности [8, с. 219].

Русский человек жаждет *преображения* мира. Но нам, живущим в XXI в., нельзя забывать о том, что земное бытие может пойти и по совсем иному пути: по пути искажения, извращения природы, по пути недолжной *трансформации* мира. Иными словами, возможно преобразование мира, но возможно и его антипреобразование (трансформация). Трансгуманизм, эта современная западная технократическая тенденция, увы, предоставляет возможность именно такого недолжного антипреобразования мира, когда человек может стать, вообще говоря, уже и ненужным. Одна из повестей английского христианского писателя К.С. Льюиса так и называется «Человек отменяется».

Мир как творение Божие, хотя и падший мир, не отменяется для православия, тем более не отменяется человек. Все три процесса – преобразование человека, преобразование социума и преобразование мира – идут параллельно. Здесь надо подчеркнуть не учитываемую теперь многими на Западе причину самой возможности преобразования мира. Падший мир не имел бы никакой надежды не только на преобразование, но и на продолжение своего существования, если бы Богочеловек Иисус Христос не освятит его Своим приходом. Бог открыл Себя людям не только как Праведный Судья, но и как Любовь. Двуетидную заповедь любви к Богу и ближнему Христос назвал важнейшей в законе и призвал Своих учеников следовать не «учениям, заповедям человеческим» (Мф. 15:9; Мк. 7:7), но именно ей. Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов всему миру открыл онтологический характер любви. Как пишет архиепископ Михаил (Мудьюгин), «любовь

обладает такими неограниченными возможностями, такой силой и устойчивостью не случайно, не потому, что она свойственна или приятна сознанию “гуманно” настроенного человека, а в силу своей божественной онтологии, иначе – потому, что Бог есть Любовь; как Любовь Он открылся нам во Христе Иисусе и продолжает открываться нам в животворящем действии Святого Духа в каждом христианине в отдельности, и во всей Церкви в целом» [10, с. 184].

На себе, как на краеугольном камне, Иисус Христос основал свою церковь (1 Пет. 2:6), и «врата ада не одолеют ее» (Мф. 16:18). Бог хочет действовать на земле в союзе с человеком, в синергии с теми, кто принял Его Божественного Сына как своего Господа и Спасителя. Религиозное преобразование мира нам заповедано. Другое дело, как оно на практике осуществляется не в индивидуальном плане, но в плане коллективном. Здесь, как мы увидели из анализа Карсавина, дело обстоит совсем не так просто. Православный Восток, по его оценке, в силу своей консервативности и косности не дал до времени написания его работы социального устройства, соответствующего православному видению мира. Запад же уклонился от Истины в догме, в учении, что неизбежно привело к серьезным искажениям и в реальной жизни. Из-за недолжного разделения сфер абсолютного и относительного бытия Запад ныне осуществляет на практике ересь человекобожия, т. е. именно то, от чего предостерегал наш великий светский провидец Ф. М. Достоевский и еще до него славянофилы И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, братья Аксаковы и многие другие. Мир, распавшийся на отдельных индивидов, враждующих между собой или связанных между собой лишь внешними механическими связями, не в состоянии осуществить идеал всеединства даже несовершенным образом. Индивидуальная праведность как личный подвиг еще возможна в таком мире, но коллективная соборная симфоническая личность, устремленная к Абсолюту, не может даже сформироваться в таких условиях. И недаром именно русской православной церкви выпала роль ныне если не единственной, то, во всяком случае, главной хранительницей догматов и канонов церкви. Но идеал надо воплотить в жизнь. Поэтому наша задача не только охранительная, консервативная, но и созидательная. И дай Бог, чтобы мы все об этом не забывали, не погрязли в своей косности, лени и бездействии, но справились, несмотря ни на какие трудности, с возложенной на нас самим Богом задачей.

Литература

1. *Гулыга А.В.* Предисловие // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей / Сост. Е. А. Васильев. М.: Айрис-пресс, 2004.
2. *Ильин И.А.* Почему мы верим в Россию // Ильин И.А. Сочинения. М.: Эксмо, 2008.
3. *Карсавин Л.П.* Восток, Запад и русская идея. Петроград: Academia, 1922.

4. Карсавин Л.П. Малые сочинения. СПб.: Алетейя, 1994.
5. Карсавин Л.П. Путь православия // Карсавин Л.П. Малые сочинения. СПб.: Алетейя, 1994.
6. Карсавин Л.П. Церковь, личность и государство // Карсавин Л.П. Малые сочинения. СПб.: Алетейя, 1994. С. 414–446.
7. Катасонов В.Ю. Капитализм и православная вера. URL: <https://www.odigitria.by/2014/11/18/kapitalizm-i-pravoslavnaaya-vera-valentin-katasonov>.
8. Мелих Ю.Б. «Симфоническая», совершенная личность // Лев Платонович Карсавин / Под ред. С. С. Хоружего. М.: РОССПЭН, 2012. С. 215–274.
9. Мелих Ю.Б., Хоружий С.С. Философия Карсавина в Серебряном веке и в наши дни // Лев Платонович Карсавин / Под ред. С.С. Хоружего М.: РОССПЭН, 2012. С. 8–29.
10. Михаил (Мудьюгин), архиеп. Православное учение о личном спасении. Спасение как процесс. СПб.: Стасис, 2012.
11. Молотков А. Социальная правда христианства // Сомов Н. Православный социализм как русская идея. М., 2015.
12. Мосолова С.В. Предисловие // Карсавин Л.П. Святые отцы и учителя церкви (раскрытие православия в их творениях). М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 3–10.
13. Ольга Четверикова и Иван Алехин – о цифровых услугах и безопасности личных данных в интернете. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xqVNBR2monk>
14. Осипов А.И. Жизнь с Евангелием. Комментарии к Евангелию от Матфея. М.: Никея, 2018.
15. Розанов В.В. Возле «русской идеи»... // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей / Сост. Е. А. Васильев. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 269–288.
16. Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетейя, 1994.

Chupakhina, Nadezhda A. L. P. Karsavin about the possible fates of Russia

References

1. Gulyga, A.V. (2004), Predisloviye [Foreword], in *Russkaya ideya: Sbornik proizvedeniy russkikh mysliteley* [Russian idea: Collection of works of Russian thinkers], compiler E. A. Vasilyev, Ayris-press, Moscow, Russia.
2. Pyin, I.A. (2008), Pochemu my verim v Rossiyu [Why do we believe in Russia], in Pyin, I.A., *Sochineniya* [Writings], Eksmo, Moscow, Russia.
3. Karsavin, L.P. (1922), *Vostok, Zapad i russkaya ideya* [East, West and Russian idea], Academia, Petrograd, Russia.
4. Karsavin, L.P. (1994), *Malye sochineniya* [Small writings], Aletheia, St. Petersburg, Russia.
5. Karsavin, L.P. (1994), Put' pravoslaviya [The path of Orthodoxy], in Karsavin, L.P., *Malye sochineniya* [Small writings], Aletheia, St. Petersburg, Russia.
6. Karsavin, L.P. (1994), Tserkov', lichnost' i gosudarstvo [Church, personality and state], in Karsavin, L.P., *Malye sochineniya* [Small writings], Aletheia, St. Petersburg, Russia.

7. Katasonov, V.Yu. (2014), *Kapitalizm i pravoslavnaya vera* [Capitalism and the Orthodox faith], URL: <https://www.odigitria.by/2014/11/18/kapitalizm-i-pravoslavnaya-vera-valentin-katasonov>.
8. Melikh, Yu.B. (2012), “Simfonicheskaya”, sovershennaya lichnost' [“Symphonic”, perfect personality], in Khoruzhy, S.S. (ed.), *Lev Platonovich Karsavin*, ROSSPEN, Moscow, Russia.
9. Melikh, Yu.B., and Khoruzhy, S.S. (2012), *Filosofiya Karsavina v Serebryanom veke i v nashi dni* [The philosophy of Karsavin in the Silver Age and today], in Khoruzhy, S.S. (ed.), *Lev Platonovich Karsavin*, ROSSPEN, Moscow, Russia.
10. Michail (Mudyugin), Archbishop (2012), *Pravoslavnoye ucheniye o lichnom spasenii. Spaseniyе kak protsess* [Orthodox teaching about personal salvation. Salvation as a process], Stasis, St. Petersburg, Russia.
11. Molotkov, A. (2015), *Sotsial'naya pravda khristianstva* [The social truth of Christianity], in Somov, N., *Pravoslavnyy sotsializm kak russkaya ideya* [Orthodox socialism as the Russian idea], Moscow, Russia.
12. Mosolova, S.V. (1994), *Predisloviye* [Preface], in Karsavin, L.P., *Svyatyye ottsy i uchiteli Tserkvi (raskrytiye Pravoslaviya v ikh tvoreniyakh)* [Holy fathers and teachers of the Church (demonstration of Orthodoxy in their works)], Publishing House of Moscow State University, Moscow, Russia.
13. *Ol'ga Chetverikova i Ivan Alekhin – o tsifrovyykh uslugakh i bezopasnosti lichnykh dannyykh v internete* [Olga Chetverikova and Ivan Alyokhin – about digital services and personal data security on the Internet], URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xqVNBR2monk>.
14. Osipov, A.I. (2018), *Zhizn' s Yevangeliyem. Kommentarii k Yevangeliyu ot Matfeya* [Life with the Gospel. Comments on the Gospel of Matthew], Nikea, Moscow, Russia.
15. Rozanov, V.V. (2004) *Vozle “russkoy idei”...* [Near the “Russian Idea”...], in *Russkaya ideya: Sbornik proizvedeniy russkikh mysliteley* [Russian idea: Collection of works of Russian thinkers], compiler E. A. Vasilyev, Ayris-press Moscow, Russia.
16. Khoruzhy, S.S. (1994), *Posle pereryva. Puti russkoy filosofii* [After the break. The ways of Russian philosophy], Aletheia, St. Petersburg, Russia.